

В сторону Муравьева

МУРАВЬЕВ В. С. В сторону Свифта. — М.: Центр книги Рудомино, 2020. — 304 с.

Идею спустя полвека переиздать две книги Владимира Муравьева — “Джонатан Свифт” (1968) и “Путешествие с Гулливером” (1972) — можно только приветствовать. Во-первых, потому что обе книги — как, собственно, и все, созданное Муравьевым, — написаны безупречно, увлекательно, со знанием дела. Во-вторых, потому что политическая и литературная судьба Джонатана Свифта, этого “вездесущего оскорбителя”, поучительна, и сегодня, спустя почти триста лет, как никогда актуальна. И по-прежнему таит в себе немало вопросов — и частного свойства, и публичного.

Несмотря на многие жизнеописания на многих языках, человеческий облик Свифта, как, впрочем, и скрывающийся за многочисленными псевдонимами (Исаак Бикертсаф, Мартин Скриблерус, Суконщик) облик литературный, до сих пор — и Муравьев тоже об этом пишет — остается призрачным, неуловимым, сочетающим несочетаемое. Верный друг, человек необычайно, до болезненности ранимый, привязчивый, он слыл равнодушным, холодным, нелюдимым, ожесточившимся. Тративший треть годового до-

хода на благотворительность, декан собора Святого Патрика, по отзывам близко его знавших, в жизни был бережлив, даже скуп. В настоятеле Свифте уживались отвращение к религиозному фанатизму и нетерпимость к любым отступлениям от англиканского вероучения. Его всегдашняя страсть к ребячеству, розыгрышу, мистификациям, каламбурам не вяжется с репутацией человека мрачного, желчного, нетерпимого; человек, чье сердце, перефразируя его же собственную знаменитую эпитафию, “глохнет жестокое негодование”, не раз повторяет в письмах, что его девиз: “Vive la bagatelle!”¹. В Свифте причудливо уживаются чиновничество и гордыня, изъявления преданности и ущемленное самолюбие, готовность угождать и независимость суждений, обвинения всех и вся в неблагодарности и мысль, проходящая рефреном и в письмах, и в памфлетах, и в “Гулливере”, что он никому ничем не обязан и если просят, то не за себя.

1. “Vive la bagatelle!” — “Да здравствует безделица!” (*фр.*)

Словосочетание “сатирический гений Свифта” — аксиома, почти тавтология, а между тем писатель, будто пренебрегая собственным печальным опытом и уподобившись им же высмеянным политическим прожектерам из Великой Академии в Лагадо, не раз тщится “учить министров принимать в расчет общественное благо... выбирать себе фаворитов из людей умных, способных и добродетельных”. Как тут не вспомнить, что сам Свифт сравнивал сатиру с зеркалом, в котором “видишь любую физиономию, кроме своей собственной”. А может, писатель не демонстрирует свой сатирический дар сознательно, словно бы исключая творчество из собственной биографии, как тонко подмечает В. Муравьев?

“Путешествие с Гулливером” Муравьев написал через несколько лет после “Джонатана Свифта”; публикация этих двух книг под одной обложкой — разумный, выигранный составительский ход. Свифт, таким образом, предстает сразу во всех обличьях — и как автор “Гулливера”, “Сказки бочки”, “Битвы книг”, и как памфлетист, и как политик, и как церковный деятель. И как личность, естественно. Третья часть “Путешествия с Гулливером” — это еще и увлекательная история рецепции шедевра Свифта во Франции, Германии, у нас в России, где Свифта переводят и переиздают и во “взрослой”, и в облегченной, “детской”, версии с 1772 года. И, прежде всего конечно, — у Свифта на родине. Англию или Ирландию, где са-

тирик прожил большую часть жизни, можно считать родной Свифта? Вопрос сложный, многократно поднимавшийся, но, по-моему, сегодня не столь принципиальный. Сам Свифт — еще один парадокс — считал себя англичанином, но, хорошо известно, отстаивал права ирландцев; вспомним “Письма суконщика” или “Скромное предложение”.

Упрекнуть составителей этой прекрасной и, что немало важно, со вкусом изданной книги можно, пожалуй, лишь в одном. Читатель, даже не слишком в литературе сведущий, с детства знает если не кто такой Джонатан Свифт, то уж точно, кто такой Лэмюэль Гулливер (шерлоки холмсы, робинзоны и гулливеры известны больше конан-дойлей, дефо и свифтов) и что с ним приключилось в стране лилипутов и великанов. А вот кто такой автор книги “В сторону Свифта”, так и остается загадкой. Люди, даже очень талантливые, ныне, в наш быстротечный век, забываются быстро, сегодня Муравьева помнят разве что коллеги по перу или по библиотечной профессии. Из приведенных на первых страницах издания выдержек из “Записок об Анне Ахматовой” Лидии Чуковской и из записных книжек самой Ахматовой узнаем, что Ахматова называла совсем тогда молодого Муравьева “человеком-чудо”: “Чего только он не знает, чего не изучил”. Что он, двадцатитрехлетний, “зреет на глазах” и рассуждает “могуче о стихах”. Похвала Ахматовой дорогого стоит, но библиографическая справ-

ка о Муравьеве, пусть и немногословная, согласитесь, была бы в таком издании уместна — не все ведь с “Википедией” на дружеской ноге, да и верить “Википедии” можно далеко не всегда.

Устраним это упущение. Владимир Сергеевич Муравьев (1939–2001) — писатель, литературовед, критик, переводчик. Переводил Толкиена, Честертона (“Наполеон Ноттингхильский”), Джона Кольера, Шона О’Фаoleyна, Мюриел Спарк; русская версия романа Спарк “Memento Mori” и рассказа “Портобелло-роуд” — шедевры переводческого искусства. Всю жизнь, можно сказать, до последнего дня, Муравьев проработал в Библиотеке иностранной литературы — оттого, надо полагать, и взялось переиздать его книги издательство “Рудомино”. Многие годы был

главным библиографом отдела комплектования ВГБИЛ, комплектовал фонды библиотеки англоязычными изданиями, в которых знал толк. Одновременно с этим подвизался редактором библиографического справочника библиотеки “Современная художественная литература за рубежом”, в дальнейшем — “Диапазон”¹. Современная художественная литература за рубежом, слава Богу, существует и поныне, а вот “Современная художественная литература за рубежом” давным-давно почилa в бозе. Как сказано в старом анекдоте: “И кому она мешала?”

Вот и библиографическая справка об авторе “Джонатана Свифта” и “Путешествия с Гулливером” тоже никому бы не помешала — тем более в таком прекрасном и нужном издании.

1. О В. С. Муравьеве см. также: Эвелина Меленевская. “Это было лицо, на котором было сияние”. — Знамя, 2020, № 4. — С. 120–127.